

В 2009 году вышел необычный музыкально-поэтический альбом Эдуарда Гольцмана и композитора Михаила Маслова «Живая сказка». В него вошла, в частности, их песня о городе металлургов. Вскоре поэт был зачислен в сотню самых знаменитых новокузнецчан.

Мало кто знает, что Эдуард Данилович с супругой Анной Михайловной были завсегдатаями фотографических выставок в Доме творческих союзов и художественных – в музее изобразительных искусств Новокузнецка. Их небольшая квартира в панельной пятиэтажке-хрущёвке за цирком больше походила на книжное хранилище со шкафами, плотно набитыми томами, среди которых преобладала «Библиотека всемирной литературы». В 1967–1977 годах эта 200-томная серия была настолько популярной, что в местных газетах среди объявлений можно было встретить и такое: «Меняю автомобиль «Жигули» на «Библиотеку всемирной литературы».

ДВЕ СТРОКИ ИЗ БЛОКНОТА

Незадолго до болезни, которая основательно подкосила поэта, Эдуард Данилович показал мне свою очередную книгу, а точнее – её макет под названием «Твои пальчики». В ней есть такие вот стихи:

*Из окошка посмотри,
Что у дождика внутри:
Школа, ёлочка, и дом,
И девчонка под зонтом.*

.....
М. Ю. Лермонтову

*Над Машуком душа поэта
Уже витает двести лет.
Да что Машук!
И до Тибета,
И до иных вершин,
До звёзд!
Где космонавты пролетают,
Где Млечный Путь
В ночи блестит,
Стихи поэта вспоминают:
«Звезда с звездой говорит».*

Эта книжка пока ещё, что называется, находится в чернильнице, а добрые отзывы читателей уже появились. «Стихи написаны просто. Их легко читать. «Как Колобок женился» – чудесное произведение. Здорово! Спасибо!» – делится впечатлениями наша бывшая землячка Ольга Макшанцева из города Жуковского Московской области.

Прошлой осенью у Эдуарда Гольцмана родилась фраза, с которой он познакомил и меня: «Салютуем мы всем живущим разрывами наших сердец». Не забыв ни её сходу, на всякий случай записал в журналистский блокнот. А теперь мучаюсь: он будто бы предвидел свой скорый уход, в который все, кто знал его, всё ещё не могут поверить.

г. Кемерово

Елена ТРУХАН

В ПОИСКАХ ДВУХ ЧЕМОДАНОВ

В литературной среде города Новокузнецка бытует легенда о том, что у прозаика Владимира Неунывахины есть два солидных чемодана. В них разместились богатый авторский архив: памятные записочки, заготовки, наброски, лаконичные заметки, мимолётные впечатления по какому-либо поводу. Это будущие сюжеты, мысли и творческие планы, пока не рождённые персонажи. Они терпеливо ждут своего часа, чтобы из наскоро записанных строк превратиться в полноценные художественные произведения.

Я представляю чемоданы довольно отчётливо. С незапамятных времён принадлежат они писательской семье: возможно, отцу-отчиму, деду или весельчаку-балалаечнику дяде Яше. На одном, похожем на фанерный ящичек, обтянутом тёмно-коричневым ледерином, разбросаны в хаотичном порядке цветные наклейки – штука в те времена дефицитная. Второй, рыжий, бесформенно-мягкий, настолько туго набит и затянут ремнями, что кажется, может лопнуть и обнажить россыпи нелинованных листов, исписанных аккуратным бисерным почерком Владимира Максимовича...

Впрочем, это лишь фантазии и догадки...

– А два чемодана под кроватью или на антресолях храните? – спрашиваю я, захваченная игрой собственного воображения.

– Да никаких чемоданов-то и нету, – смеётся в усы Максимыч. – Пошутил я так однажды, сказал собратьям по перу Иванову и Арнаутову, что сюжеты своих рассказов черпаю из старых заметок, а их у меня – два чемодана! Оттуда и пошло...

Не может быть! Не шутит ли? Как нет чемоданов?! Или хочет мой интерес остудить, в то время как эта парочка стоит себе спокойненько в писательской квартире...

Разрешить «чемоданный» вопрос помог случай, вскоре удачно подвернувшийся. Через несколько дней мне посчастливилось попасть в приветливый, радушно встречающий и хлебосольный дом супругов Неунывахиных. Погрузиться в ту среду, где вызревают, а затем ложатся на бумагу его зарисовки, повести и рассказы. Посидеть в удобном писательском кресле, за столом, залитым солнцем, у самого окна. Ощутить, как из таинственной глубины, словно ручейки к глубокой и многоводной реке, постепенно притекают творческие силы...

Было это 23 апреля 2013 года. Поехали к Неунывахиным сразу после презентации очередной книги Владимира Максимовича «Всполохи памяти» в новобайдаевской библиотеке «Веста». Квартира писателя на улице Чекалина выходила окнами во двор и располагалась на третьем этаже старого, сталинской постройки, дома, жёлтый облупившийся фасад которого уже давно требовал ремонта. Во дворе – ничего необычного: деревья и кустарники, лавочки для старушек, кормящих голубей, и детский городок.

– Живу на еврейском этаже, – подметил Владимир Максимович, открывая чипом домофона входную дверь в подъезд.

– Почему? – удивилась я.

– Первый и второй этажи – слишком низко, четвёртый – слишком высоко, – прокомментировал он, – а третий – в самый раз! На третьих этажах всегда хитрые евреи живут. Я, конечно, не еврей, но нацию уважаю...

При входе в подъезд сразу бросилась в глаза крупная, размашисто выведенная на стене белой краской надпись: «Надя! Я тебя люблю!». «Подростки балуются», – пояснила Валентина Петровна, супруга писателя. Получив неожиданный заряд любви, мы стали карабкаться на «еврейский этаж» по крутым и длинным лестничным маршам просторного, украшенного комнатными цветами, подъезда, пока не добрались до нужной двери. Она была невиданной высоты, больше трёх метров! Впрочем, как я потом заметила, двери и в некоторые другие квартиры отличались таким же гигантизмом.

Планировка сталинской «двушки» не удивила. Я уже бывала в таких. Даже расположение мебели оказалось традиционным.

В коридоре, справа по ходу, размещалась большая открытая вешалка, созданная из металлических трубок умельцами советской промышленности. Кстати, вещь очень удобная: рядом с пальто можно сразу и зонт, и шарфик повесить. В простенке между двумя комнатами, напротив ванны и туалета, возвышался компактный комодик с белым, под старину, дисковым телефоном. Рядом с ним – самодельная мизерная скамеечка: чтобы присесть, когда разговор затянулся. Над комодиком – лосиные рога, служащие и декором, и вешалкой для нескольких писательских шляп.

– Мои рога, – пошутил Неунывахин и пригласил пройти в зал, он же – писательский кабинет.

– Та-а-ак... – окинула я коридор беглым взглядом. – Чемоданам здесь прятаться негде!..

В зале нас встретил «дорогой, многоуважаемый» шкаф. Книжный шкаф. В его глубине жили не только книги, но и собранные без особой системы сувениры, современные иконы, репродукции каких-то картин, благодарственные письма и грамоты за литературный труд, в том числе – за рассказ о бездомной собаке

«Старость не радость», победивший в конкурсе им. Владимира Куропатова. Здесь же – милые сердцу предметы, хранящие память о дорогих людях: лупа, использовавшаяся для чтения матерью писателя Аграфеной Фёдоровной Лосевой, искусной вышивальщицей крестом и гладью, и портсигар с вензелем «В», некогда принадлежавший отчиму Владимиру Эмильевичу Кеплеру, репрессированному лётчику-истребителю. В портсигаре вместе с двумя сигаретами «Астра» прокопьевской табачной фабрики сохранились карманный календарик «Волгоград» на 1985 год и листок из отрывного календаря за январь того же года. Никто не подозревал, что тот месяц и тот год станут последними в жизни такого замечательного человека...

– У меня с самого детства была заветная мечта – стать лётчиком, – охотно делился сокровенным Владимир Максимович. – Я часто представлял себя в кабине самолёта: на голове – шлемофон, на глазах – лётные очки, на бедре – планшет. Очень хотелось взмыть в небо, стать, как отчим, смелым и решительным лётчиком-испытателем. Но крылатым мечтам не суждено было сбыться: в седьмом классе неудачно упал, сломал позвоночник, целый год пролежал в кровати... В пилоты не взяли по состоянию здоровья. Зато суждено было исполниться другой детской мечте – стать писателем.

– А какая книжка у вас была самой любимой в детстве?

– «Мойдодыр»! Мать купила её на рынке. Помню, книжка-раскладушка мне сразу понравилась, особенно – главный герой, перед которым я попросту робел. Он настолько поразил моё детское воображение, что я сам захотел написать что-то подобное!

Второго «Мойдодыра» В. Неунывахин, конечно, не написал. Зато создал книгу для детей «Подснежники», которая была удостоена высокой региональной награды – медали «Надежда Кузбасса».

Несмотря на предрасположенность к литературному творчеству, путь в писатели был для него нелёгким. Окончив семь классов, Владимир Максимович пошёл работать фрезеровщиком в поселковые мастерские и одновременно стал получать знания в вечерней школе. А в 15 лет, в седьмом классе, впервые попробовал что-то написать. Подростковые пробы пера спустя два года перелились в первую публикацию: в городской многотиражной газете «Металлург» был опубликован его рассказ «Подарок», посвящённый матери А. Ф. Лосевой. Позже писатель заочно поступил в педагогический институт на факультет русского языка и литературы, где продолжил обучение в 1968–1972 годы.

Развитие его литературного и публицистического таланта получило импульс в 1960-е годы. На страницах областной газеты «На страже» и московского журнала «К новой жизни» то и дело стали появляться

авторские очерки, зарисовки, рассказы, повести, посвящённые работе в органах МВД СССР (1967–1991), острым социально-историческим проблемам и увлечениям автора – охоте и рыбалке. Материалы черпал не только из собственных воспоминаний и реальных случаев, но и из газетной хроники, архивных дел. Сюжеты искал во время путешествий на природу, встреч с разными людьми, за письменным редакторским столом в ВД-30, в общении с особо опасными преступниками.

Но полностью отдаться литературному труду Владимир Неунывахин смог только после выхода на заслуженный отдых. С 2001 года на свои и спонсорские средства он начинает издавать книги, получившие одобрительные отзывы читателей. Вот они, от первого сборника «Забутья я не в силах» до ещё пахнущего свежей типографской краской очередного тома собрания сочинений, расставлены на отдельной полочке шкафа в порядке появления на свет: «Забутья я не в силах» (2001); «Живым не брать» (2002); «Под глухариную песню» (2003); «Я вернулся, мама» (2004); «За что?!» (2005); «На утренней зорьке» (2007); «Подснежники» (2008); «Деревенские этюды» – совместный с братом Г. М. Неунывахиным сборник (2008); «Проклятье» (2010); «Смеяться, право, не грешно» (2011); «Всплохи памяти» (2012); первые тома четырёхтомного собрания сочинений (2013). В октябре 2010 года их автор будет принят в ряды Союза писателей России и получит членский билет под номером 8457. Позднее из-под его пера выйдут очередные книги четырёхтомника (2014–2015), «И такое случается» (2015), «Кумачовый молох» (2017).

Вспомнилось, как впервые в 2010 году увидела Владимира Максимовича во дворе музея Ф. М. Достоевского, в лёгкой осенней курточке, простой рубашке и безукоризненно отглаженных брюках. В руках – извечный спутник – коричневый дипломат, в котором лежал заранее приготовленный подарок для музея – новая книга «Проклятье» с автографом автора. Вот она, стоит в глянцевого обложке. Собственно, с неё и началось моё читательское вхождение в мир неунывахинской прозы и наше знакомство, и профессиональная дружба. Первые главы романа «Проклятье» захватили. Помню, как сожалела, что произведение ещё не дописано, и с каким нетерпением ждала его окончания!

Затем для меня открылись рассказы о природе, охоте и рыбалке: буквально залпом «проглотила» сборники «На утренней зорьке» и «Под глухариную песню». Читала, не отрываясь, во время многочасовых поездок в автобусе. Сразу нахлынули собственные детские воспоминания об азартной охоте за грибами, предвкушении крупного улова на таёжной реке, звёздных искрах костра в тёплые летние ночи, всплесках диких уток у маленького озера перед домом. И ещё –

ни с чем не сравнимое общение с собаками... Рыдала над его рассказами «Цена верности» и, особенно, «Джей».

В «охотничьей» теме Владимир Неунывахин чувствует себя очень органично. Своими учителями на этом пути считает Виталия Бианки и Константина Паустовского, с которыми имел непродолжительную переписку и которых до сих пор считает настоящими учителями. По всем законам жанра, захватывающе и правдиво, живо и сочно, прочувствованно и мудро, с юмором автор раскрывает перед нами заповедные уголки Сибири и Архангельской области, делится секретами рыболовства и ловли зверя. Из-под его пера выходят десятки произведений, которые не оставят равнодушными как юных, так и зрелых книголюбов: «На утренней зорьке», «Караси в сметане», «Шатун», «Невезучий день», «Чудо природы», «Лосытник Вилли», «Встречи с медведем» и др. В каждом – неподдельная искренность, свежесть и острота ощущений, правдивость и неоднократно отмечаемая критикой литературная зоркость. И это закономерно, ведь созданный им мир зиждется на подлинных событиях, собственных впечатлениях, воспоминаниях тех, кому он всецело доверяет. «Всё поведанное Владимиром Неунывахиным имеет свою реальную основу, – пишет об этом во вступительной статье к книге «На утренней зорьке» член Союза писателей России Виктор Арнаут. – Здесь практически отсутствует неправда, зато налицо художественный вымысел и удивительно зримая художественная образность». Видимо, поэтому внешне простые сюжеты рассказов и зарисовок так волнуют читателей, трогают самые глубинные струны души, заставляют сопереживать и думать.

Действующих лиц в охотничьих рассказах – с дюжину. Но главным персонажем была и остаётся природа. Она – целитель недугам, кормилица и берегиня, мудрый учитель и безжалостный судья. Главенствуя над человеком, порой не прощает промашек. Но общение с ней облагораживает, очищает от всего ненужного, наносного. Поэтому относиться к ней, по мнению Владимира Неунывахина, следует рачительно и бережливо.

Несомненный воспитательный эффект, который несут произведения В. М. Неунывахина, был неоднократно отмечен педагогами и родителями. По достоинству оценила вклад новокузнецкого прозаика в развитие культуры и администрация Кемеровской области: в марте 2006 года за книгу «Я вернулся, мама» он получил медаль «За веру и добро».

Заметили Владимира Максимовича и организаторы литературных конкурсов. Так, в апреле 2004 года в честь 125-летия системы исполнения наказаний в России писателю был вручен диплом I степени и нагрудный знак за победу в номинации «Художественная литература». А в 2015 году организаторы литературной

премии «Энергия творчества» вновь признали его победителем в номинации «Проза».

Очень светлым, насквозь пронизанным солнцем оказалось рабочее место писателя. Большой лакированный стол из советских времён, раздвижной, но без всяких излишеств-ящичков, свободно протянулся понад окном, занавешенным белым тюлем и голубыми шторами. Он вмещал только самое необходимое: папку с рукописями, черновик нового рассказа, карандаш, ручку, сигнальные экземпляры только что подготовленных двух первых томов четырёхтомника, ноутбук, слегка запылённую маленькую настольную лампу чёрного цвета, возможно, «прихрамывающую» на единственную ногу, и несколько рабочих записочек, выведенных ровным неунывахинским почерком.

На подоконнике пусто и чисто. Лишь розовая герань в горшке да прислонённый к ней список участников сегодняшней презентации. Фамилии и имена стоят чётко, как солдаты, все под номерами со скобочкой... С радостью заметила: среди приглашённых и я значусь, не под номером один, конечно, но всё-таки...

Бросились в глаза «наручные» часы гигантского размера, висящие на противоположной от шкафа стене. Рядом – в красивой рамке – «Свидетельство» синода о том, что писатель внёс посильный вклад в воссоздание московского храма Христа Спасителя. Вот уж не думала, что и здесь он преуспел, оставил след!..

На стене между шкафом и окном хозяин повесил известную репродукцию картины А. А. Пластова – «Весна». Обнажённая длинноволосая деревенская красавица выбежала из бани прямо на мороз, присела, чтобы укутать девочку в тёплый платок. Роскошные волосы волнами струятся по женскому телу, словно прикрывая его невесомыми одеждами. А запоздалый мартовский снежок всё сыплет и сыплет на неказистые деревянные строения, золотистую солому и дремлющую вдалеке деревеньку.

– Это я по случаю купил в одном из книжных магазинов, когда был отправлен руководством части в служебную командировку пополнять фонд библиотеки заключённых, – начал рассказ Владимир Максимович, заметив моё любопытство. – Было это ещё в шестидесятые годы, в Междуреченске. Увидел картину – и сразу купил: покорила меня с первого взгляда Северная Венера. А как вернулся в посёлок Майзасс, сразу повесил её над своей кроватью в военчасти. Сослуживцы оценили, не раз просили продать картину, но я отказывал.

По признанию В. М. Неунывахина, любовь к пластовской «Весне», несмотря на прошедшие годы, сохраняется до сих пор. Недаром репродукция нескольких десятилетий путешествовала с ним по городам Кузбасса, побывала на Севере, а затем вновь вернулась на малую Родину.

Позже я узнала некоторые подробности о бытовании этого полотна. Оказывается, оно создавалось в эпоху расцвета соцреализма – в 1954 году. Владимиру Неунывахину в ту пору было всего ничего – 16 лет.

Для публики, отвыкшей от изображений обнажённой натуры, картина прозвучала и откровением, и вызовом. Говорят, сам Пластов был очень щепетилен ко всему, что связано с картиной. Сын художника Николай Аркадьевич вспоминал, как, придя в Третьяковку, где живописная работа экспонировалась на очередной выставке, отец вдруг в негодовании оторвал половину этикетки! Как выяснилось, музейные работники для подстраховки подписали произведение так: «Весна. Старая деревня». Автор же требовал сохранения подлинного названия – «Весна», вот и решился на такой кардинальный шаг. Кстати, современные «знатоки и ценители» искусства тоже добавляют к названию дополнительную часть – «В бане». Думается, если бы автор был жив, он, без всякого сомнения, вновь оторвал чуждый элемент.

Размышляя над тем, что именно могло притянуть В. М. Неунывахина к этой картине, наткнулась на фразу: «...картины Пластова выделяются, прежде всего, необычайно мощным личностным позывом, непосредственным обращением к самым трепетным и интимным участкам человеческой души. Его пейзажи и жанровые сценки невозможно не воспринять как что-то очень личное, неоднократно каждым из нас переживаемое в жизни. Именно в этом, необычайно личном и в то же время всеобщем, и состоит магия искусства Пластова». Что тут сказать? Ни убавить ни прибавить – литературное credo В. М. Неунывахина: «Тронуть душу читателя»...

Познать и парадный фасад, и изнанку человеческой души ему довелось во время службы в исправительно-трудовой системе страны. Почти 30-летний опыт офицера МВД СССР, неоднократно отмеченного за безупречную службу, был осмыслен на страницах рассказов и более крупных форм – повестей и романа. За каждым произведением – людское горе и лаконичный жизненный урок, невыдуманная история и отдельная судьба.

Доскональное знание «уголовной» темы, скрупулёзность исследователя, умение работать с архивным материалом и собственный жизненный опыт вывели В. М. Неунывахина на одну из магистральных, живо-трепещущих и до конца не изученных социально-исторических тем XX века – тему репрессий в советской России. Всесторонне она раскрывается в повестях «Репрессированные» и «Мой любимый отчим», в многочисленных рассказах.

На всём протяжении творческого разговора о репрессиях Владимир Максимович остаётся беспристрастен и правдив. В его произведениях запечатлены подробности жизни друзей и знакомых, прежде всего – семей спецпереселенцев из посёлка Абагур-Лес-

ной. Вместе с ними он «проходит по этапу», через серию последовательных унижений, невыносимых физических и нравственных страданий. Живописует страшные картины получеловеческого существования, изнурительного труда, пыток и надругательств над взрослыми и детьми. «Живая память должна преодолеть забвение, – утверждает писатель. – Каждый человек держит персональный ответ за свои поступки, ведь из них складывается не только его личная судьба, но и история его семьи, рода, нации, государства. Общество, в свою очередь, не имеет права калечить судьбу человека или пренебрегать им...»

В кухне Неунывахиных, отделённой от коридора декоративной занавеской было уютно. Нанизанные на леску деревянные бусины светлого и тёмного тонов создавали незамысловатый графический узор, по которому то и дело пробегали солнечные блики. Мы устроились за обеденным столиком. В трапезе и всей домашней обстановке чувствовалась какая-то необыкновенная основательность, безыскусность, добротность. Наверно, это и называется крепким деревенским укладом и семейной традицией, передающейся из поколения в поколение. Ощущение это подкрепляли большие коллажи из старых фотографий, выполненные в деревенском стиле. Знаю, что рамы для них Владимир Максимович специально заказывал. С фотографий на нас смотрели десятки глаз: родные, знакомые, близкие, соседи – словом, вся дружная большая семья. И это закономерно: детские и юношеские годы писателя, родившегося в Иркутске в 1938 году, прошли в двух посёлках: Бурановске, который сейчас не отыскать на географических картах, и Абагуре-Лесном, что в пригороде Новокузнецка. О суровых и драматичных послевоенно-голодных, но вопреки всему – счастливых, мгновениях своей жизни поведал литератор в автобиографических повестях и рассказах. Навсегда запечатлелись в памяти, как всполохи далёкого прошлого, полусгнившая завалюха с вечным шуршанием мышей в засыпных стенах в посёлке Абагур-Лесной и дедов дом-пятистенки в таёжной деревеньке Бурановск.

Мой взгляд то и дело падал на холодильник. На его сторонах и дверце пестрели многочисленные магнитики и «счастливые» сувениры, а также важные

записочки: для Валентины Петровны – схема приёма лекарств, для Владимира Максимовича – режим ежедневного употребления святой крещенской воды и умывания ею. Тут же, на белом поле дверцы, угнездились ножницы в пластиковом футляре: очень удобно, наверное, всегда иметь под рукой столь необходимый предмет.

Минут за тридцать просмотрев сигнальные экземпляры первого и второго томов четырёхтомника, мы отправились обозревать спальню. В небольшой комнате друг против друга стояли две односпальные кровати, над которыми висели ковры. В изголовье над постелью супруги писатель заботливо обустроил самодельный иконостас, о чём Валентина Петровна не преминула похвастать. Я «случайно» обронила ручку на половик, чтобы заглянуть под кровати. «Дааа!.. И здесь не видно двух чемоданов!..»

– Вот, приготовил музею очередной подарок, – вдруг заявил писатель и взял с тумбочки какой-то странный предмет.

Оказалось, это было клише для изготовления экслибриса. Много лет назад в качестве подарка ко дню рождения оно было преподнесено родным братом пушкинистом-исследователем Геннадием Неунывахиным. На экслибрисе – главные страсти Владимира Максимовича: охота, рыбалка, книги. Геннадий знал, что он мечтает систематизировать домашнюю библиотеку. Отдыхая с семьёй в Сочи, специально заказал у местного умельца памятный сувенир. Вернувшись домой, вручил имениннику. К сожалению, оставить оттиски на личных экземплярах произведений классиков и современников писатель так и не смог – «руки не дошли», но в память об уже ушедшем родственнике он передал клише для экслибриса в собрание музея Ф. М. Достоевского.

...За окном начинало темнеть. Я спешно собралась и в сопровождении Владимира Максимовича направилась к остановке. Меня не преследовала досада оттого, что два чемодана черновики не найдены. Напротив, я чувствовала, что навсегда уношу с собой увесистый багаж человеческого тепла, открытости и доброты.

г. Новокузнецк

